

Образование русско-прусского союза 1813 г.

Н.А. Могилевский

(аспирант кафедры истории России XIX – начала XX века исторического факультета МГУ им.М.В. Ломоносова)*

В статье анализируется сложный ход переговоров между европейскими державами в связи с решительными попытками России привлечь на свою сторону вчерашних противников после победоносной кампании 1812 г. Центральной проблемой работы является русско-прусские переговоры, однако они рассматриваются на широком фоне международных отношений того времени. Большое внимание уделено «польскому вопросу», являвшимся на тот момент ключевым и для России, и для её потенциальной союзницы Пруссии.

Россия, Пруссия, союз, формирование, антинаполеоновская коалиция, польский вопрос, Александр I, Меттерних.

Победоносное для России окончание 1812 г. и изгнание наполеоновской армии из пределов страны вместе с тем поставило перед русской дипломатией новые сложные задачи: для продолжения борьбы с Францией в Европе необходимо было создать новую боеспособную коалицию. Для этого в первую очередь предстояло уговорить Пруссию отказаться от союза с Наполеоном и заключить союз с Россией. Прусское правительство имело собственные серьёзные геополитические интересы и намеревалось их отстаивать при любом развитии событий. Дореволюционные и советские историки¹, упрекая Фридриха-Вильгельма III в нерешительности и трусости несколько упрощали и сужали очень серьёзный для истории

---

* Могилевский Николай Алексеевич, тел.: 8-916-825-58-27; e-mail: kollka@inbox.ru

¹ Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974. С.128

Заграничного похода русской армии 1813-14 гг. вопрос о формировании русско-прусского союза..

После выхода русской армии к Неману и принятии решения о перенесении войны в Европу перед русским правительством встал вопрос поиска союзников. Проще всего было возобновить прежние договоры с Пруссией и Австрией. Однако русской дипломатии предстояло найти решение для одной из сложнейших политических проблем конца XVIII – нач. XIX вв. – «польского вопроса», напрямую касавшегося обеих потенциальных союзниц России.

Польша ещё в XVIII веке прочно вошла в орбиту российских интересов. «Польский вопрос», столь удачно решённый Екатериной II, обострился после подписания Тильзитского мира. После второго и третьего разделов Польши Пруссия получила значительные территории этого государства – важные для неё земли на северо-западе и западе польского государства, составившие «мост» между владениями прусского короля в северной Германии и Силезией. Однако в 1806 г. Пруссия разом лишилась своих приобретений после разгрома, учинённого Наполеоном. Образованное французским императором Варшавское герцогство было в основном составлено из земель, принадлежавших ранее Пруссии. Мысли о возвращении этих территорий под власть короля всегда были живы в окружении Фридриха-Вильгельма. Австрийцы, в свою очередь, получив богатые и плодородные южные польские земли, так же были заинтересованы в их увеличении. При этом для Австрии наибольшую опасность представляло восстановление единого польского государства.

Точка зрения российского МИД на «польскую проблему» была достаточно сложной. Александр I, не имея более никаких территориальных претензий в Европе, рассматривал земли Варшавского герцогства как «плату» за кровь, которую проливали и прольют русские солдаты,

сражаясь за свободу Германии. На русского императора оказывали нешуточное давление: великий князь Константин Павлович, командующий Дунайской армией П.В. Чичагов² и друг юности А. Чарторыйский. Им казалось, что решить «польский вопрос» можно, лишь заявив о воссоздании Польского королевства в прежних границах и присоединении этого государства к Российской империи, с условием, что королём станет младший брат императора Михаил Павлович. Чарторыйский направил императору письмо³, в котором умолял того восстановить Польшу в её прежних границах (то есть отдать ей литовские территории и часть западных губерний), ручаясь при этом, что поляки будут поступать так, как будет угодно русскому императору (стоит отметить, что сами поляки заявляли о желании, если уж невозможно будет обрести национальную независимость, попасть под власть Пруссии, а не России и ни в коем случае Австрии⁴). Нессельроде, ознакомившись с запиской Чарторыйского, представил императору своё мнение, из которого следовало, что в нынешнем своём положении «Польша лишь слабое подспорье России в борьбе с Францией», что она только «возбудит зависть и враждебность со стороны тех европейских государств, союз с которыми был бы полезен». Подытоживал свою записку Нессельроде тем, что восстановление Польши «в высшей степени противоречит национальным интересам»⁵. Эти опасения разделяли и другие высшие сановники Российской империи: так, С.Р. Воронцов писал из Лондона сыну Михаилу, что, если Александр I провозгласит себя

---

² *Ионов А.В.* Борьба русской дипломатии за создание шестой антинаполеоновской коалиции // Проблемы истории СССР, вып.12, 1982. С.116

³ *Внешняя политика России XIX-нач. XX веков (далее – ВПР).* Т. VII. М., 1970. С.700

⁴ См. *Pradt D. de.* Histoire de l'ambassade dans le Grand duché de Varsovie en 1812. Paris, 1815

⁵ Архив внешней политики Российской империи, ф.133 («Канцелярия»), оп. 468, д.1324. Л.5

королём польским, это оттолкнёт от России Пруссию и Австрию⁶.

К тому же Александр не мог не считаться с общественным мнением, о чём он напрямую написал Чарторыйскому, подчёркивая, что участие польской армии в походе на Россию, разграбление Смоленска и Москвы не может не вызывать в сердцах русских жажды мщения. Кроме того, ни один русский не поймёт передачу Литвы, Подолии и Волыни под власть какого-либо другого государя⁷.

Александр I отлично понимал, что если иметь в виду союз России и Пруссии, то необходимо подумать о территориальных компенсациях прусскому королю. В ноябре 1812 г. в беседе с прусским военным деятелем Л. Бойеном Александр I намекнул, что намерен присоединить герцогство Варшавское к России, а в качестве компенсации отдать Пруссии Саксонию, а из территорий герцогства – лишь «коридор» для связи между Западной Пруссией и Силезией⁸.

У прусского правительства была своя точка зрения на этот вопрос. Причём условно можно было выделить «план-максимум» и «план-минимум» в прусских соображениях о Польше. План-минимум был озвучен в письме негласного представителя Пруссии в Санкт-Петербурге в 1812 г. полковника Р. Шёлера, требовавшего от русского правительства гарантий возврата польских земель Пруссии и «готовности принять на себя это обязательство в торжественном договоре»⁹. Эти идеи он высказывал не только русскому императору, но и главе российского МИД: «Г-н Шёллер, очевидно, ставит себе целью добиться от в. В-ва определённого заявления в письменной форме, что Вы не сделаете никаких приобретений в результате этой войны и в

---

⁶ ВПР. Т.VII. С.28

⁷ *Николай Михайлович, вел. кн.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т.I. С.132

⁸ ВПР. Т.VII. С.711

⁹ ВПР. Т.VI. М., 1962. С.784

виде возмещения за принесённые в ходе её жертвы. Больше всего г-н Шёллер опасается, государь, что в В-во провозгласите себя королём польским», - доносил императору министр иностранных дел Румянцев 28 декабря 1812 г¹⁰.

План-максимум предназначался для сведения Наполеона, который по-прежнему контролировал большую часть Прусского королевства и герцогства Варшавского. Французский посол в Берлине Сен-Марсан сообщал в Париж, что при прусском дворе надеются на желание Наполеона «сделать прусского короля королём Польши»¹¹. Французский император, спешно прибывший в Париж после гибели своих войск в России, был занят собиранием новой армии, и можно предположить, что в начале января судьбы Варшавского герцогства его не сильно занимали. Однако, прекрасно понимая, что с помощью Польши можно вбить клин между Россией, с одной стороны, и Австрией и Пруссией, с другой, Наполеон давал понять, что готов пожертвовать Варшавским герцогством в пользу Пруссии или Австрии, но никогда не согласится отдать его России.

Крайне твёрдая позиция, занятая императором Александром I по «польской проблеме», подтолкнула Пруссию к Австрии. Австрийская империя, занятая в начале 1813 г. постепенным отходом от союза с Францией, не спускала зоркого взгляда с событий в Восточной Пруссии и Польше. Пруссия, оказавшаяся между двумя огромными империями – Российской и Французской, – решила сперва выяснить точку зрения Вены по поводу возможного союза. Канцлер Гарденберг писал в записке 26 декабря 1812 на имя короля, что для того, чтобы Пруссия могла действовать, она должна быть «прежде всего уверена в Австрии»¹². Прусский король, предчувствуя лишения, которые понесёт его страна,

---

¹⁰ ВПР. Т.VI. С.637

¹¹ *Власкин А.Г.* Освободительное движение в Германии и поддержка его Россией // НиНИ, 1963, №5. С.73

¹² Там же. С.72

как оставшись верной Бонапарту, так и примкнув к России, желал прежде всего заручиться поддержкой Австрии, рассматривая её как естественную союзницу в деле борьбы с французским влиянием в Германии и русским в Польше. Посланный спешно в Вену прусский полковник Кнезебек должен был заявить: «Союз Австрии с Пруссией представляет единственное средство бороться против господства Франции и воспрепятствовать, чтоб Россия при дальнейшем своём победоносном движении не приобрела авторитета в германских и европейских делах, что не может быть выгодно ни для Австрии, ни для Пруссии»¹³. Однако, пока союз между двумя германскими государствами заключён не будет и пока не будет доведено до конца формирование армий, следует «сохранить, как и прежде, по наружности, полное согласие с Францией»¹⁴. Таким образом, инструкция, данная Кнезебеку, ставила все последующие действия Пруссии в зависимость от австрийских шагов. В приписке к инструкции, сделанной Гарденбергом, значилось: «В том случае, если русские перейдут Вислу и подойдут к Одере, король ничего не хочет решать с ними без согласия Австрии; но он желает этого согласия, и, по его мнению, в интересах Австрии дать его»¹⁵.

Меттерних оказался в достаточно затруднительном положении: навязчивое желание Пруссии ориентироваться на Австрию связывало ему руки и мешало осуществлять тонкую дипломатическую игру, получившую впоследствии наименование «вооружённого посредничества». Ни в коем случае не желая дать Наполеону повод заподозрить Австрию в измене, Меттерних предпринимает крайне ловкий манёвр – он без всякого стеснения показывает письма от прусских министров французскому послу в Вене, графу Отто, из чего тот делает вывод, что «Пруссия питает полное доверие к

---

¹³ *Соловьёв С.М.* Император Александр I. Политика. Дипломатия. // Собрание сочинений. В 3 томах. Ростов-на-Дону, 1997. С.267

¹⁴ *Сорель А.* Европа и французская революция. СПб., 1908. Т.VIII. С.15

¹⁵ Там же. С.21

венскому кабинету и что она постоянно консультируется о том, какие ей следует предпринять шаги»¹⁶. В Вене на тот момент уже было окончательно решено не воссоздавать единого Польского государства, так как это угрожало безопасности Австрийской империи. При этом в австрийском МИД боялись, что русский император захочет восстановить Польшу, не считаясь с мнением берлинского и венского кабинетов: ««Господин всей Польши, он (Александр I – Н.М.) мог подписать мир с Францией и аннулировать, в ущерб Австрии и Пруссии, раздел 1772 г. Без сомнения, это было в его интересах», - писал впоследствии австрийский представитель в русской ставке Л. Лебцельтерн. Стоит сказать, что Меттерних полагал, что события будут развиваться именно по такому сценарию»¹⁷.

Однако Меттерних поначалу (по крайней мере, на словах) колебался между возможными вариантами будущего территорий Варшавского герцогства. Так, в беседе с вышеупомянутым Отто он заявил: «Жаль, что герцогство Варшавское не может быть присоединено к Пруссии, которая тогда была бы достаточно сильна, чтобы составить вместе с нами преграду России»¹⁸. Стараясь обезопасить себя со всех сторон, австрийский министр иностранных дел заранее оправдывал возможный союз с Пруссией желанием этих двух государств поставить барьер на пути распространения русского влияния в Европе.

Однако, учитывая все последующие заявления Австрии по этому вопросу (именно это государство наиболее жёстко и последовательно отстаивало пункт об уничтожении Варшавского герцогства и разделе его земель между Пруссией, Россией и самой Австрией), больше доверия вызывает одно из сообщений графа Отто министру иностранных дел Франции,

---

¹⁶ Archives du Ministère des affaires étrangères (далее – А.Е.). Correspondance politique, Autriche, Vol.396. F.392

¹⁷ *Lebzeltern L. Mémoires et papiers de Lebzeltern. Paris, 1949. P.254*

¹⁸ *Сорель А. Указ. соч. С.38*

герцогу Бассано, в котором французский посол пишет, что «единственное, на счёт чего Меттерних высказался абсолютно отчётливо, – это невозможность существования герцогства Варшавского, а также независимого польского государства»¹⁹. Австрийцы не могли допустить существования Польского королевства у своих северо-восточных границ, как не могли они допустить и существования Польского королевства под прусской или русской властью. Наиболее приемлемым вариантом являлся возврат к status quo – к разделам Польши 1793-95 гг. Именно эта существенная разница в точке зрения на «польскую проблему» и была первой причиной, по которой Австрия не спешила вступать в союз с Пруссией.

Кроме того, Австрия и Пруссия были естественными соперницами в борьбе за гегемонию в Германии. И совсем по-разному представляли себе будущее этого региона. Если лидер прусских реформаторов Г. Штейн настаивал на создании единого немецкого государства (по сути, на создании Германской империи), то австрийцам такой поворот событий был крайне невыгоден, поскольку в Вене прекрасно отдавали себе отчёт в том, что империя эта будет формироваться на основе Пруссии, а не Австрии. Потому Меттерних выступал за сохранение деления Германии на многочисленные государства и княжества, чтобы иметь возможность оказывать влияние на политику южно-немецких государств. Прусский король, давая наставления Кнезебеку перед отправкой того в Вену, между прочим высказался и по поводу этого вопроса: с точки зрения Фридриха-Вильгельма, следовало упразднить Рейнскую конфедерацию, а зоны влияния между Австрией и Пруссией в Германии провести по Майну, так что Пруссия останется доминирующей державой в северной части страны, а Австрия – в южной²⁰. Такой вариант, безусловно, устраивал Меттерниха, но он должен был учитывать влияние Штейна как на Фридриха-Вильгельма, так и на Александра I, которым

---

¹⁹ А.Е. Correspondance politique, Autriche, Vol.395. F.220

²⁰ Сорель А. Указ. соч. С.15

Штейн настойчиво внушал, что и Пруссии, и России выгодно создать единое немецкое государство.

Очерченные выше различия во внешнеполитических позициях Австрии и Пруссии, а также желание Меттерниха навязать своё посредничество Франции и России в конечном итоге вызвало вполне ожидаемый ответ на прусскую инициативу: из Австрии лишь дали понять, что не рассматривают Пруссию в качестве противника в данный момент²¹, но это заверение стоило немного, поскольку была совершенно очевидно, что вероятность вооружённого конфликта между двумя странами равна нолю. Австрия, на правах более сильной державы, имела полное право (и сполна пользовалась им) разыгрывать собственную внешнеполитическую карту, не прибегая пока к помощи ни России, ни Франции. Растерзанная и разорённая войнами, континентальной блокадой и постоем французских войск Пруссия такой возможности не имела. Перед ней стояла насущная необходимость выбора того или другого лагеря.

Фридрих-Вильгельм III не был человеком решительным. Как и его канцлер Гарденберг, король предпочитал не предпринимать резких действий против Наполеона, которого до смерти боялся. Однако среди подданных короля нашёлся один, который своим неожиданным поступком существенно ускорил движение Пруссии к союзу с Россией. Заключение 30 декабря 1812 г. командующим арьергардом корпуса Макдональда, генерал-лейтенантом И. Йорком, на Пошерунской мельнице Таурогенская конвенция провозглашала перемирие между русскими и прусскими войсками.

Решение, с ликованием встреченное прусскими солдатами и простым народом, поставило Фридриха-Вильгельма в очень непростую ситуацию с далеко идущими последствиями. Во-первых, предстояло убедить Наполеона,

---

²¹ *Oncken W. Osterreich und Preussen in Befreiungskriege. Bd.1. Berlin, 1879. P.415*

что он, прусский король, тут совершенно ни при чём, что решение генерала Йорка было принято им самим, на свой страх и риск. 9 января Фридрих-Вильгельм отправляет Наполеону письмо, в котором резко осуждает поступок генерала Йорка и сообщает, что отправил князя Хатцфельда разобраться в ситуации и наказать виновных²². Несмотря на все старания прусского монарха, французский император совершенно точно оценил масштаб произошедшего события: «Мир казался мне очень возможным прежде отпадения генерала Йорка. Теперь я больше о нём не думаю; поступок Йорка вскружит русскому кабинету голову; это великое политическое событие!»²³. Но реагировать непосредственно на измену Йорка у Наполеона не было сил – ему лишь оставалось уповать на то, что страх перед ним в прусских правительственных кругах будет удерживать Пруссию в лагере французских союзников.

Во-вторых, не менее серьёзной проблемой для Фридриха-Вильгельма после поступка Йорка становились объяснения с Россией. Александр I ещё в самом конце декабря 1812 г. направил королю Пруссии письмо, в котором убеждал того открыто порвать с Францией и присоединить свои войска к русской армии. Послание оставалось без ответа более месяца – лишь 8 февраля король Пруссии написал российскому императору²⁴. Месячная пауза, взятая Фридрихом-Вильгельмом в переписке с Александром I, объясняется несколькими причинами: во-первых, прусский король должен был дожидаться реакции из Парижа на поступок Йорка, до этого он не желал себя компрометировать никакими действиями, которые могли бы быть истолкованы как желание выйти из союза с Францией; во-вторых, именно в конце декабря–начале января посланный в Вену Кнезебек

---

²² *Lettres personnelles des souverains à l'empereur Napoléon I.* Paris, 1939. P.95

²³ *Соловьёв С.М.* Указ. соч. С.268

²⁴ *Briefwechsel König Friedrich Wilhelm III und der Königin Luise mit Kaiser Alexander I* (далее - *Briefwechsel König...*). Leipzig, 1900. P.242-243

прощупывал почву на предмет заключения австро-прусского союза, который для Пруссии был более предпочтителен, чем союз с Россией; наконец, памятуя о серьёзных расхождениях с Россией в «польском вопросе», Фридрих-Вильгельм отлично осознавал, что в союзе с Россией ему уготована роль ведомого, младшего союзника, которому будут диктовать условия будущего альянса. Неверие в конечную победу русской армии (Гарденберг писал, что, «король холоден, он имеет только полуволю; он не имеет веры ни в себя, ни в свой народ; он думает, что Россия увлекает его в пропасть и что в непродолжительном времени французские войска будут на Висле»²⁵) давало надежду на то, что Наполеон, увидев нежелание прусского монарха, несмотря на настойчивые побуждения русских предать Францию, сделает его польским королём или хотя бы вернёт территории, принадлежавшие Пруссии по разделам Польши.

Однако одного фактора Фридрих-Вильгельм не учитывать не мог – общественное мнение. «Большая часть армии и населения выражала готовность бороться в союзе с Россией против наполеоновского господства. Повсеместно проходил сбор средств на эти цели, формировались ополчения»²⁶. Пруссаки, всегда испытывавшие ненависть к французам, лишь усилившуюся после разгрома 1806 г., теперь горели жаждой мщения. С восторгом встретив решение Йорка по заключению перемирия с русскими, все сословия прусского общества ждали теперь такого же решения от своего короля. Когда же стало ясно, что Фридрих-Вильгельм отнюдь не спешит порывать с Францией и заключать союз с Россией, в обществе стало распространяться сперва глухое, затем всё более отчётливое недовольство как самим королём, так и его ближайшим окружением.

---

²⁵ *Мартенс Ф.Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Т. III. СПб., 1876. С.70

²⁶ История внешней политики России, первая половина XIX века. М., 1995. С.96

Колебания короля, как было показано выше, обуславливались не только чертами его характера. «Польский вопрос» (после того, как стало ясно, что на поддержку Австрии можно не рассчитывать) – вот что служило тормозом в деле движения навстречу России. Сделав несколько небольших шагов, которые должны были успокоить взбудораженное население королевства (был выпущен декрет об организации народного ополчения, ландвера), Фридрих-Вильгельм решился наконец пойти навстречу предложениям русского императора. Первым делом следовало уехать из-под «охраны» французских войск: король, под предлогом сбора войска для Наполеона, перебрался из Потсдама в Бреславль. Здесь, получив бóльшую свободу действий, он написал 8-го февраля русскому императору письмо, в котором сообщил о неудачной миссии полковника Кнезебека в Вене, а также известил Александра о том, что тот же самый Кнезебек получил повеление отправиться в русскую ставку в Клодаву и начать переговоры насчёт заключения «трактата дружбы и союза»²⁷.

Однако Фридрих-Вильгельм даже в этой ситуации хотел взвесить все *pro et contra* – одновременно с миссией Кнезебека прусский король поручил своему посланнику в Париже, барону Круземарку, начать переговоры с французским правительством об уплате Пруссии военных издержек, а также добиться ответа на озвученные в ноте канцлера Гарденберга²⁸ на имя французского посланника в Берлине Сен-Марсана предложения: заключить перемирие между воюющими сторонами с отводом французских войск за Эльбу, а русских – за Вислу. Таким образом, предполагалось, что Франция передаст Пруссии захваченные у неё крепости по Одру. Сам король объяснил свою, странную на первый взгляд, миротворческую инициативу так: «... весьма важно обнаружить все проступки Наполеона, даже в отношении

---

²⁷ Briefwechsel König...P.242-243

²⁸ *Fain A.J.F.* Manuscrit de mil huit cent treize. V.I. Paris, 1824. P.237

своего народа и не давать ему повода возбудить общественное мнение тем, что он представит мой образ действия как вероломство»²⁹. Между тем, предложение Фридриха-Вильгельма лишь на первый взгляд кажется странным и малореалистичным. При ближайшем рассмотрении становится видно, что эта мирная инициатива была вполне возможна: французские войска и так стремительно откатывались по направлению к Эльбе, все усилия Евгения Богарне привести их в порядок и остановить отступление давали слабый эффект³⁰. С другой стороны, сильно потрепанная и нуждавшаяся в отдыхе русская армия (о чём постоянно твердил царю Кутузов³¹), тоже могла спокойно отступить за Вислу и передохнуть. Таким образом, расчистив себе пространство между двумя враждующими лагерями, Пруссия без единого выстрела получала всю территорию герцогства Варшавского, крепости на севере Германии и по Одере. А стремительно формировавшееся ополчение и постепенно пополняемая армия давали смутную надежду с помощью силы утвердить за собой эти земли и удержать их хотя бы до мирного конгресса, который бы и решил окончательно судьбу польских территорий.

Конечно, прусское правительство не могло всерьёз рассчитывать на то, что Наполеон примет эти предложения, – уж слишком дерзкий характер они носили. Однако территория Варшавского герцогства стоила этой попытки. И Наполеон, принимая Круземарка, сделал заявление, которое должно было обнадежить берлинских политиков: «Что касается герцогства Варшавского, мне безразлично, сохранится ли оно в том виде, как теперь, перейдёт ли оно к Австрии или к Пруссии; но к России – никогда!»³². Однако дальше этих слов дело не пошло

---

²⁹ Briefwechsel König...P.245

³⁰ См.: Принц Евгений Наполеон Богарне во главе Великой армии // Военный сборник, 1904, №1-8

³¹ *Lebzeltern L.* Op. cit. P.254

³² *Сорель А.* Указ. соч. С.44

– Наполеон не принял прусского посредничества, даже не став никак его комментировать.

Неизвестно, сообщил ли Фридрих-Вильгельм об этом ответе Бонапарта Александру I, но точно известно, что Кнезебек был уполномочен информировать русского царя о миссии Круземарка. В этом же письме прусский король уведомлял, что надеется «произвести перемену системы, составляющую предмет всех моих желаний»³³. Император был крайне встревожен и раздосадован этим сообщением, о чём он прямо объявил королю в письме от 24-го февраля, добавив, что инструкции генералу Круземарку произвели на него самое тяжёлое впечатление»³⁴. Александр, укоряя Фридриха-Вильгельма за медлительность в деле заключения русско-прусского союза, ясно отдавал себе отчёт в истинных причинах этих колебаний: Пруссия по-прежнему выбирала между Россией и Францией исходя из того, кто даст более твёрдые гарантии возврата полагавшихся ей польских земель. Царь недвусмысленно, уже в который раз, заверял короля: «С того момента, как враг был уничтожен, я, забывая всё прошлое, спешил к Вам на встречу, потому что *мысль о восстановлении и даже расширении Пруссии* (курсив мой – Н.М.) всегда была лелеяна мною в глубине моего сердца»³⁵. Александр I был готов вести диалог с Пруссией о её восстановлении и расширении, но никак не о «перемене системы», на которую так надеялся Фридрих-Вильгельм. Эта существенная разница в подходах к «польской проблеме» сказалась на решающей стадии русско-прусских переговоров о союзе.

Потерпев неудачу в попытке склонить Францию к миру и овладеть территорией Варшавского герцогства, Фридрих-Вильгельм, осознавая важность своей страны для России, предписал Кнезебеку поставить следующие условия

---

³³ Briefwechsel König...P.245

³⁴ Ibid. P.247

³⁵ Ibid.

заклучения союза с русскими: возвращение Пруссии всех, принадлежавших ей до 1806 г., земель в Германии и Польше, включая Данциг (то есть почти вся территория герцогства Варшавского). России же в качестве компенсации предлагались территории в Восточной Пруссии. Также Фридрих-Вильгельм надеялся получить новые земли в Северной Германии (по проекту Кнезебека, Россия не будет заключать мира, пока Пруссии не обеспечат гегемонии в этом регионе)³⁶. Таким образом, Пруссия предложила России принцип эквивалентной компенсации. Парадокс ситуации состоял в том, что принцип эквивалентной компенсации изначально намеревался предложить пруссакам русский император – за присоединение польских земель к России. Было совершенно очевидно, что царь никогда не согласится на такие условия, – как бы ему ни был необходим союз с Пруссией. Александр I ответил контропроектом, в котором категорически отрицалась возможность передачи Пруссии земель Варшавского герцогства³⁷. В свою очередь Кнезебек подал проект, по которому следовало немедленно передать власть в герцогстве прусской администрации³⁸. На этом вираже переговоры вполне предсказуемо зашли в тупик.

Можно лишь предполагать, что заставило Кнезебека выдвигать такие абсурдные и совершенно неприемлемые требования. Во-первых, стоит допустить, что для берлинского кабинета и союз с Россией, и союз с Францией был одинаково неудобен и не очень желателен. Как уже показывалось выше, и то и другое несло за собой неизбежные территориальные потери для Пруссии. Отсюда вытекает второй логический вывод: Пруссии был наиболее желателен союз с Австрией, как с державой, которая не ставила никаких территориальных требований перед Пруссией, кроме заявлений о невозможности существования независимого Польского

---

³⁶ ВПР, Т.VII. С.711

³⁷ Там же

³⁸ Там же

королевства. На это требование Фридрих-Вильгельм согласиться мог, так как тогда ему причитались все земли, принадлежавшие до 1806 г. И полковник Кнезебек был сторонником именно австро-прусского (а не русско-прусского или франко-прусского) союза, что подтверждается выбором именно его кандидатуры при отправке посла в Вену. Не сумев заручиться поддержкой Австрии, прусское правительство решило направить обеим заинтересованным в ней державам свои требования и пойти на союз с той, которая предложит более выгодные условия. Этот план был чем-то схож с политикой «вооружённого посредничества» Меттерниха, однако глава австрийского МИД играл свою партию более тонко и расчётливо, чем прусские дипломаты. Прусская игра ва-банк в целом не принесла никаких результатов: Наполеон даже не стал обсуждать предложенного Фридрихом-Вильгельмом посредничества, а Александр I достаточно жёстко дал понять, что не намерен уступать Пруссии территории Варшавского герцогства. В этой ситуации появлялась реальная опасность остаться без союзников вообще, чего берлинский двор допустить никак не мог. К тому же, нельзя было не учитывать сильнейших антифранцузских настроений в подавляющей части прусского общества.

Александр I, понимая, что переговоры с Пруссией нужно выводить из дипломатического тупика, в котором они находились, развязал этот «гордиев узел» одним решительным действием – он просто отказался вести дальнейшие препирательства с Кнезебеком и решил отправить своим непосредственным уполномоченным в Бреславль Анстетта и Штейна для прямых переговоров с канцлером Гарденбергом. Стоит отдать должное русскому царю – этот «ход конём» принёс желаемый результат: «В 24 часа был подписан трактат в том виде, как я его велел составить, без того, чтоб в нём была изменена запятая», - с некоторой долей хвастовства писал

впоследствии император министру иностранных дел Румянцеву³⁹.

То, что Гарденберг оказался уступчивее Кнезебека, объяснялось, помимо прочего, и тем, что Фридрих-Вильгельм понял, что тянуть дальше с заключением мира с Россией невозможно, – страна бурлила, народ требовал «прекратить торг» и немедленно заключить союз с Россией, и многие иностранные послы при прусском дворе всерьёз готовились увидеть революцию, вызванную колебаниями короля⁴⁰. Но до народного взрыва дело не дошло: 27 февраля в Бреславле и 28-го в штаб-квартире русской армии в Калише был подписан русско-пруссский союзный трактат. В основных статьях договора оговаривалось количество войск, которое оба союзника обязуются выставить против Франции: Россия – 150 тыс., а Пруссия, по сути, сколько сможет⁴¹. Но важнее этого пункта была статья II, по которой Россия обязывалась «вновь устроить Пруссию в таких границах, которые обеспечивали бы спокойствие обоих государств и служили бы ему гарантиями»⁴². Фраза, крайне расплывчатая и неопределённая, открывающая простор для многочисленных дипломатических споров. Однако в двух секретных статьях всё чётко разъяснялось: Александр I брал на себя обязательство восстановить Пруссию в тех пределах, в каких она была до 1806 г., компенсировав ей польские земли территориями, которые будут отбиты у французов в Северной Германии. Кроме того, Россия гарантировала Пруссии её владения на северо-востоке Германии и коридор, связывающий этот анклав с Силезией⁴³.

Таким образом, в конечном счёте победила идея русского императора о принципе эквивалентной компенсации

---

³⁹ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. С.74

⁴⁰ История XIX века. Под. ред. проф. Лависса и Рамбо. М., 1938. Т. II. С.291

⁴¹ *Мартенс Ф.Ф.* Указ. соч. С.77

⁴² Там же. С.76

⁴³ Там же. С.80

взамен простого возврата к status quo. И Калишский договор может быть смело занесён русской дипломатией и самим Александром I себе в актив, так как он облакал тайные помыслы царя о присоединении к России земель Варшавского герцогства во вполне реальные формы, – по крайней мере, с одной из двух заинтересованных в этом вопросе сторон договориться удалось. Впереди ещё предстояли непростые споры с Австрией, однако эта проблема заслуживает отдельного внимания.

Как видно, русско-прусский союз, оформленный в конце февраля 1813 г., родился очень непросто, и для Пруссии он едва ли был столь же желанен, как для России. Фридрих-Вильгельм III, столько раз обвинённый историками различных эпох в трусости, нерешительности, подверженности колебаниям, на самом деле до последнего пытался закрепить за своей державой польские земли, которые полагались ей по польским разделам конца XVIII века. Испытывая беспредельный страх перед наполеоновской Францией, недоверчиво и настороженно относясь к России, прусский монарх искренне хотел лишь союза с Австрией, которой он доверял и на которую рассчитывал в своих территориальных претензиях. Но, будучи абсолютно ненужным Меттерниху на тот момент союзником, он был вынужден сделать выбор между Россией и Францией. Подписанный в Калише трактат заложил основу VI антинаполеоновской коалиции, которая за год с небольшим сумела положить конец империи Наполеона.

Использованные источники и литература:

Использованные архивы:

- 1) Archives du Ministère des affaires étrangères. Correspondance politique, Autriche, Vol.396
- 2) Архив внешней политики Российской империи, ф.133 («Канцелярия»)

Список литературы:

- 1) Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М., 1974
- 2) Власкин А.Г. Освободительное движение в Германии и поддержка его Россией // НиНИ, 1963, №5
- 3) Внешняя политика России XIX-нач. XX веков. Т.VI. М.,1962; Т.VII. М., 1970.
- 4) Ионов А.В. Борьба русской дипломатии за создание шестой антинаполеоновской коалиции // Проблемы истории СССР, вып.12, 1982
- 5) История XIX века. Под. ред. проф. Лависса и Рамбо. М., 1938. Т.II
- 6) История внешней политики России, первая половина XIX века. М., 1995
- 7) Мартенс Ф.Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключённых Россией с иностранными державами. Т.III. СПб., 1876
- 8) Николай Михайлович, *вел. кн.* Император Александр I. Опыт исторического исследования. СПб., 1912. Т.I.
- 9) Принц Евгений Наполеон Богарне во главе Великой армии // Военный сборник, 1904, №1-8

- 10) Соловьёв С.М. Император Александр I. Политика. Дипломатия. // Собрание сочинений. В 3 томах. Ростов-на-Дону, 1997.
- 11) Сорель А. Европа и французская революция. СПб., 1908. Т.VIII.
- 12) Briefwechsel König Friedrich Wilhelm III und der Königin Luise mit Kaiser Alexander I. Leipzig, 1900
- 13) Fain A.J.F. Manuscrit de mil huit cent treize. V.I. Paris, 1824
- 14) Lebzelter L. Mémoires et papiers de Lebzelter. Paris, 1949
- 15) Lettres personnelles des souveraines à l'empereur Napoléon I. Paris, 1939
- 16) Oncken W. Osterreich und Preussen in Befreiungskriege. Bd.1. Berlin, 1879
- 17) Pradt D. de. Histoire de l'ambassade dans le Grand duché de Varsovie en 1812. Paris, 1815